

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 97. «Когда на целый город ночь сошла»

Выпуск № 382

Фёдор Тютчев

Бессонница

(Ночной момент)

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла,
И всюду водворилась мгла,
Всё тихо и молчит; и вот луна взошла,
И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь несколько церквей, потерянных вдали,
Блеск золочёных глав, унылый, тусклый зев
Пустынно бьёт в недремлющие очи,
И сердце в нас подкидышем бывает,
И так же плачется и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает.
Но тщетно плачется и молится оно:
Всё вокруг него и пусто и темно!
Час и другой всё длится жалкий стон,
Но наконец, слабея, утихает он.

1873

Анна Ахматова

Ты – победительница жизни,
И я – товарищ вольный твой
Н. Гумилёв

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина свет патриархальный,
Ни колыбелька моего ребёнка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены,

Не уменьшало это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время, как мы, замолчав, старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали тёмной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого *они* по лестнице несут?»

Теперь ты там, где знают всё, скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

1921

Выпуск № 279

Максимилиан Волошин

Я глазами в глаза вникал,
Но встречал не иные взгляды,
А двоящиеся анфилады
Повторяющихся зеркал.

Я стремился чертой и словом
Закрепить преходящий миг.
Но мгновенно пленённый лик
Угасает, чтоб вспыхнуть новым.

Я боялся, узнав – забыть...
Но в стремлении нет забвенья.
Чтобы вечно сгорать и быть –
Надо рвать без печали звенья.

Я пленён в переливных снах,
В завивающихся круженьях,
Раздробившийся в отраженьях,
Потерявшийся в зеркалах.

1915

Иннокентий Анненский

Чёрный силуэт

Сонет

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, ещё дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено;

Пока прильнув сквозь мёрзлое окно,
Нас сторожит ночами тень недуга,
И лишь концы мучительного круга
Не сведены в последнее звено, –

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным раем...
Уж мига нет – лишь мёртвый брезжит свет...

А сад заглох... и дверь туда забита...
И снег идёт... и чёрный силуэт
Заолодел на зеркале гранита.

Выпуск № 99

Лариса Патракова

Сто подков в ночи – как одна –
Обрывают дороги струны,
Свет серебряный ночи лунной
Расплескав, как ковшом, до дна.

Сто подков в ночи – не уйти –
Настигают в бреду погони,
Тёмный страх остудил ладони
И Луне уже не взойти.

Сто подков в ночи – злой озноб,
Подступающий тайно к сердцу...
Сто ключей запирают дверцу
Неразгаданных древних снов.

Анна Ахматова

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий –
Что там, крысы, призрак или вор?

В душной кухне плещется водою,
Половицам шатким счёт ведёт,
С глянцевитой чёрной бородою
За окном чердачным промелькнёт –

И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,

Лучше бы на площади зелёной
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

1921

Николай Гумилёв

Камень

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нём щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень...
Не думай, то не светляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призвали из морей.

Он вышел чёрный, вышел страшный
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождёт,
Сверкнёт огнистыми щелями
И снова бросится вперёд.

И редко кто бы мог увидеть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз.
Он промолчит и будет с виду
Недвижен, как простой утёс.

Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумленье,
Завидя блеск его огней,
Заслыша шум его паденья
И жалкий треск твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пёс, раздавленный быком.

И миновав поля и нивы,
Вернётся к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

1910

Выпуск № 61

Николай Гумилёв

Вечер

Как этот вечер грузен, не крылат!
С надтреснутою дыней схож закат.

И хочется подталкивать слегка
Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера
Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки,
Ожесточённой рубят лесники

Огромные, кудрявые дубы...
А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком
Всех ритмов бывших и небывших дом,

Слагают окрылённые стихи,
Расковывая косный сон стихий.

Осип Мандельштам

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень –
Мрачней гробовых плит.

Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть
И яростный гимн грянь –
Бунтующих тайн медь!

О, маятник душ строг,
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам...

1911

Выпуск № 883

Иван Бунин

Бред

Стоит, трепещет Стрекоза
В палящем мраке надо мною.
Стоцветной бисерной росой
Кипят несметные глаза
В её головке раздвоенной,
В короне млечно-голубой –
И шепчет, шепчет сон бессонный
Во тьме палящей и слепой.

1918

Фёдор Тютчев

Безумие

Там, где с землёю обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, –
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живёт.

Под раскалёнными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрынет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,

Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!

1829

Выпуск № 536

Иннокентий Анненский

Октябрьский миф

Мне тоскливо. Мне невмочь.
Я шаги слепого слышу:
Надо мною он всю ночь
Оступается о крышу.

И мои ль, не знаю, жгут
Сердце слёзы, или это
Те, которые бегут
У слепого без ответа,

Что бегут из мутных глаз
По щекам его поблёклым,
И в глухой полночный час
Растекаются по стёклам.

Александр Блок

Как растёт тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесь мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть

Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль – раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой – страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

1913

Осип Мандельштам

Умывался ночью на дворе.
Твердь сияла грубыми звездами.
Звёздный луч – как соль на топоре.
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студёная чернее.
Чище смерть, солонее беда,
И земля правдивей и страшнее.

1921

Выпуск № 628

Александр Блок

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари –
Как память близкою недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

1902

Иннокентий Анненский

Тоска миража

Погасла последняя краска,
Как шёпот в полночной мольбе...
Что надо, безумная сказка,
От этого сердца тебе?

Мои ли без счёта и меры
По снегу не тяжки концы?
Мне ль дали пустые не серы?
Не тускло звенят бубенцы?

Но ты-то зачем так глубоко
Двоишься, о сердце моё?
Я знаю – она далёко,
И чувствую близость её.

Уж вот они, снежные дымы,
С них глаз я свести не могу:
Сейчас разминуться должны мы
На белом, но мёртвом снегу.

Сейчас кто-то сани нам сцепит
И снова расцепит без слов.
На миг, но томительный лепет
Сольётся для нас бубенцов...

.....

Он слился... Но больше друг друга
Мы в тусклую ночь не найдём...
В тоске безысходного круга
Влачусь я постылым путём...

.....

Погасла последняя краска,
Как шёпот в полночной мольбе...
Что надо, безумная сказка,
От этого сердца тебе?

Борис Пастернак

Дурной сон

Прислушайся к вьюге, сквозь дёсны процеженной,
Прислушайся к голой побежке бесснежья.
Разбиться им не обо что, и заносы
Чугунною цепью проносятся понизу
Полями, по чересполосице, в поезде,
По воздуху, по снегу, в отзывах ветра,
Сквозь сосны, сквозь дыры заборов безгвоздых,
Сквозь доски, сквозь дёсны безносых трущоб.

Полями, по воздуху, сквозь околесицу,
Приснившуюся небесному постнику.
Он видит: попадали зубы из челюсти,
И шамкают замки, поместия с прищептом,
Всё вышиблено, ни единого в целости,
И постнику тошно от стука костей.

От зубьев пилотов, от флотских трезубцев,
От красных зазубрин карпатских зубцов.
Он двинуться хочет, не может проснуться,
Не может, засунутый в сон на засов.

И видит ещё. Как назем огородника,
Всю землю сравняли с землёй на Стоходе.
Не верит, чтоб выси зевнулось когда-нибудь
Во всю её бездну, и на небо выплыл,

Как колокол на перекладине дали,
Серебряный слиток глотательной впадины,
Язык и глагол её, – месяц небесный.
Нет, косноязычный, гундосый и сиплый,
Он с кровью заглочен хрящами развалин.
Сунь руку в крутящийся щебень метели, –
Он на руку вывалится из расселины
Мясистой култышкою, мышцей бесцельной
На жиле, картечиной напрочь отстреленной.
Его отожгло, как отёкшую тыкву.
Он прыгнул с гряды на ограду. Он в рытвине.
Он сорван был битвой и, битвой подхлестнутый,
Как шар, откатился в канаву с откоса
Сквозь сосны, сквозь дыры заборов безгвоздых,
Сквозь доски, сквозь дёсны безносых трущоб.

Прислушайся к гулу раздолий неезженных,
Прислушайся к бешеной их перебежке.
Раскальзывающаяся артиллерия
Тарелями ластится к отзывам ветра.
К кому присоседиться, вёрстами меряя,
Слова гололедицы, мглы и лафетов?
И сказка ползёт, и клочки околесицы,
Мелькая бинтами в желтке ксероформа,
Уносятся с поезда в поле. Уносятся
Платформами по снегу в ночь к семафорам.

Сопят тормоза санитарного поезда.
И снится, и снится небесному постнику...

1914, 1928

Выпуск № 973

Лариса Миллер

И это всё от Бога,
От Бога – от кого ж?
И дальняя дорога,
И в небе лунный грош,
И горести людские,
И грешные тела,

И разные мирские
Безбожные дела.

2001

Осип Мандельштам

Неправда

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу:
– Дай-ка я на тебя погляжу,
Ведь лежать мне в сосновом гробу.

А она мне солёных грибков
Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.

– Захочу, – говорит, – дам ещё... –
Ну, а я не дышу, сам не рад.
Шасть к порогу – куда там – в плечо
Уцепилась и тащит назад.

Вошь да глушь у неё, тишь да мша, –
Полуспаленка, полутюрьма...
– Ничего, хороша, хороша...
Я и сам ведь такой же, кума.

1931

Выпуск № 1118

Осип Мандельштам

Неумолимые слова...
Окаменела Иудея,
И, с каждым мигом тяжелея,
Его поникла голова.

Стояли воины кругом
На страже стынущего тела;
Как венчик, голова висела
На стебле тонком и чужом.

И царствовал, и никнул Он,
Как лилия в родимый омут,
И глубина, где стебли тонут,
Торжествовала свой закон.

1910

Зинаида Миркина

О, Господи, как это так –
Всё поглотил, всё выпил мрак, –
Ни щёлочки, ни точки нет.
Откуда же восходит свет?

Где он живёт, когда вокруг
Такая беспросветность мук, –
Кромешный ад?.. Но ведь живёт –
Откуда же внезапный взлёт,
Откуда этот круг небес
И гром пространств: воскрес! воскрес!

А, может быть, о, Боже мой, –
Ты, поглощённый полной тьмой
И набираешь силы там,
Куда взглянуть нет силы нам?
И крылья, смыслу вопреки,
Есть две распятые руки?..

1984

Иннокентий Анненский

Зимний поезд

Снегов немую черноту
Прожгло два глаза из тумана,
И дым остался на лету
Горящим золотом фонтана.

Я знаю – пышущий дракон,
Весь занесён пушистым снегом,
Сейчас порвёт мятежным бегом
Завороженной дали сон.

А с ним, усталые рабы,
Обречены холодной яме,
Влачатся тяжкие гробы,
Скрипя и лязгая цепями.

Пока с разбитым фонарём,
Наполовину притушённым,
Среди кошмара дум и дрём
Проходит Полночь по вагонам.

Она – как призрачный монах,
И чем её дозоры глуше,
Тем больше чада в чёрных снах,
И затеканий, и удуший;

Тем больше слов, как бы не слов,
Тем отвратительней дыханье,
И запрокинутых голов
В подушках красных колыханье.

Как вор, наметивший карман,
Она тиха, пока мы живы,
Лишь молча точит свой дурман
Да тушит чёрные наплывы.

А снизу стук, а сбоку гул,
Да всё бесцельней, безымянней...
И мерзок тем, кто не заснул,
Хаос полусуществований!

Но тает ночь... И дряхл и сед,
Ещё вчера Закат осенний,
Приподнимается Рассвет
С одра его томившей Тени.

Забывшим за ночь свой недуг
В глаза опять глядит терзанье,
И дребезжит сильнее стук,
Дробя налёты обмерзанья.

Пары желтеющей стеной
Загородили красный пламень,
И стойко должен зуб больной
Перегрызать холодный камень.

Лариса Миллер

В этой области скорби и плача,
Где эмблемою – череп и кол,
Мы привыкли, что наша задача
Наименьшее выбрать из зол.

Мы усвоили: только лишь крестный,
Крестный путь и достоин и свят,
В канцелярии нашей небесной
Канцелярские крысы сидят.

Ты спроси их: «Нельзя ли без муки?
Надоело, что вечно тоска».
Отмахнутся они от докуки,
Станут пальцем крутить у виска.

1993

Георгий Адамович

Слушай – и в смутных догадках не лги.
Ночь настаёт, и какая: ни зги!

Надо безропотно встретить её,
Как не сжималось бы сердце твоё.

Слушай меня, но не слушай людей.
Музыка мира всё глуше, бедней.

Космос, планеты, восторги, война –
Жизнь, говорят, измениться должна.

(Да, это так... Но не поняли вы:
«Тише воды, ниже травы»).

Выпуск № 1301

Александр Блок

Мы – чернецы, бредущие во мгле,
Куда ведёт нас факел знанья
И старый жрец с морщиной на челе,
Изобличающей страданья.

Молчим, точа незнаемый гранит,
Кругом – лишь каменные звуки.
Он свысока рассеянно глядит
И направляет наши руки.

Мы дрогнем. Прозвенит, упав, кирка –
Взглянуть в глаза не всякий смеет...
Лишь старый жрец – улыбкой свысока
На нас блеснёт – и страх рассеет.

1902

Николай Гумилёв

Больной

В моём бреду одна меня томит
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.

Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые виденья.

Но в океане первозданной мглы
Нет голосов, и нет травы зелёной,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые, нескончаемые звоны.

О, хоть бы сон настиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На желтые пески седых морей,
Считать большие, бурые каменя.

Николай Заболоцкий

Сон

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.
Там человек едва существовал
Последними остатками привычек,
Но ничего уж больше не желал
И не носил ни прозвищ он, ни кличек.
Участник удивительной игры,
Не вглядываясь в скученные лица,
Я там ложился в дымные костры
И поднимался, чтобы вновь ложиться.
Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Какой-то отголосок бытия
Ещё имел я для существованья,
Но уж стремилась вся душа моя
Стать не душой, но частью мирозданья.
Там по пространству двигались ко мне
Сплетения каких-то матерьялов,
Мосты в необозримой вышине
Висели над ущельями провалов.

Я хорошо запомнил внешний вид
Всех этих тел, плывущих из пространства:
Сплетенье ферм, и выпуклости плит,
И дикость первобытного убранства.
Там тонкостей не видно и следа,
Искусство форм там явно не в почёте,
И не заметно тягостей труда,
Хотя весь мир в движенье и работе.
И в поведенье тамошних властей
Не видел я малейшего насилья,
И сам, лишённый воли и страстей,
Всё то, что нужно, делал без усилья.
Мне не было причины не хотеть,
Как не было желания стремиться,
И был готов я странствовать и впредь,
Коль то могло на что-то пригодиться.
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.

1953

Выпуск № 8

Иван Бунин

Когда на тёмный город сходит
В глухую ночь глубокий сон,
Когда метель, кружась, заводит
На колокольнях перезвон, –

Как жутко сердце замирает!
Как заунывно в этот час,
Сквозь вопли бури, долетает
Колоколов невнятный глас!

Мир опустел... Земля остыла...
А вьюга трупы замела,

И ветром звёзды загасила,
И бьёт во тьме в колокола.

И на пустынном, на великом
Погосте жизни мировой
Кружится Смерть в весельи диком
И развеивает саван свой!

1895

Владимир Набоков

Я где-то за городом, в поле,
и звёзды гулом неземным
плывут, и сердце вздулось к ним,
как тёмный купол гулкой боли.

И в некий напряженный свод –
и всё труднее, всё суровой –
в моих бессонных жилах бьёт
глухое всхлипыванье крови.

Но в этой пустоте ночной,
при этом голом звёздном гуле,
вложу ли в барабан резной
тугой и тусклый жемчуг пули,

и, дула кислотный лёд
прижав о высохшее нёбо,
в бесплотный ринуть ли полёт
из разорвавшегося гроба?

Или достойно дар приму
великолепный и тяжелый –
всю полнозвучность ночи голой
и горя творческую тьму?

1923

Фёдор Тютчев

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадней, день любезней,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушёл...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью тёмной.

На самого себя покинут он –
Упразднен ум, и мысль осиротела –
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнаёт наследье родовое.

1848–1850

Выпуск № 200

Фёдор Тютчев

О чём ты воешь, ветер ночной?
О чём так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке –
И роешь и взрываешь в нём
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвётся он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..

О, бурь заснувших не буди –
Под ними хаос шевелится!..

1836

Мария Петровых

Отрывок

В движенье хаоса немом,
В безмолвном волн соревнованье
Сперва расплывчатым пятном
Скользнуло первое сознание.
Уж волны тяжкие сошлись
Втоптать в себя чужую силу.
Но хаос молнией пронзила
Никем не сказанная мысль.
И побеждённый – коченел.
Громады волн (громады тел!)
Покрылись немотою плотной,
Землёй, в зачатых многоплодной:
Начала не было. Поверь
Грядущему – конца не будет.
Но по ночам голодный зверь
Нам чудится в подземном гуде.
Когда дерзали – на века
Терзать непрожитые дали, –
Он выползал издалика,
И в жерлах гор его видали.
Он всё подслушал. Он отмстить
Горячим клокотом поклялся.
Кто ныне смеет спросить –
Умолк? Умаялся? Умялся?
В ком страха нет? Прильни, внимли,
Вмолчись в таинственное лоно
И сквозь дыхание земли
Прослышь ворчание и стоны.
Там тугосжатые дрожат.
Сквозь плен (сквозь тлен!) внимли очами
Самосжиранию громад
Безумных волн, голодных нами.

1928